

Как и в пятницу вечером на прошлой неделе, я слишком кипел, чтобы делать что-либо, кроме как ходить. Быстро. Сердито. «Боже, помоги старушке, которая встанет у меня на пути», — подумал я про себя.

На этот раз я направился прямо на запад по семьдесят седьмой к Пятой авеню и к Центральному парку, не обращая внимания на счастливые лица семей и молодых пар, наслаждающихся прекрасным вечером. Когда я вышел на Центральный Парк Вест, то остановился и позвонил Ч. Д.

— Эй, это я. Ты сейчас занят?... Хорошо, я могу приехать в центр и пригласить тебя на пиво или три? Думаю, что как минимум столько мне понадобится... Да, снова Бет, и это невероятно — она, должно быть, чертовски сумасшедшая!... Да, я — в паре кварталов от метро на западной стороне. Я буду там через полчаса.

Мы сидели в кабинке у Клэнси, за углом от квартиры Ч. Д. в Виладж, распивая кувшин «Сэма Адамса». Я рассказал ему всю историю — ночь концерта в Чили Пепперс, рассказ Бет о том, что произошло, наш план, а затем сюрреалистический разговор, где она рассказала мне, что случилось раньше.

Ч. Д. просто сидел, смотрел на меня, качая головой.

— Господи, чувак. Тебе всегда нравилось то, как независима Бет. Думаю, на этот раз она зашла слишком далеко.

Я посмотрела на него.

— Ты ДУМАЕШЬ? Ради бога, Уолдо, она занималась оральным сексом с этим ублюдком! — Я понял, что почти кричал, и в нашем направлении поворачивались головы. Я понизил голос.

— Я имею в виду, я не знаю точно, что произошло — я был слишком взбешен, чтобы остаться и услышать всю историю. Но независимо от того, как это случилось, она никогда не говорила мне об этом НИ СЛОВА. Она даже продолжала работать на парня! Как после этого я могу снова ей доверять? Она говорит, что любит меня, и я на самом деле ей верю, понимаешь, я — тупой идиот? Но какой-то другой парень всовывает свой язык в ее киску, Бог знает как, и это не стоит того, чтобы упомянуть мне? В конце концов, только я — ее муж!

Я остановился, глядя на лицо Ч. Д., и мне пришлось рассмеяться. Мысль о том, что кто-то облизывает женскую киску, была ему совершенно непривлекательна, и выражение его лица показало это.

— Извини, чувак, — сказал я. — Забыл, что возможно, оскорбляю твои деликатные чувства.

Он улыбнулся:

— Не твоя вина, Джейк. Но мне бы хотелось, чтобы ты рассказал хорошую историю об анальном сексе, или, может быть, минете. Мне ПРАВИТСЯ слушать хорошие истории о минете... — Он облизнул губы в шутливом экстазе, и я опять засмеялся. И как этот парень может поднять настроение, когда я настолько взбешен, было загадкой, но я был благодарен своему другу.

— Ну, мне придется отомстить этому дерьму Хантингтону, — сказал я. — Как насчет того, чтобы я связал его, а ты бы трахнул его в задницу?

Он посмеялся.

— О, нет, для меня он слишком стар. И выглядит слишком желчным. Ты меня знаешь, мне

нравятся молодые и спортивные, все эти мускулы... — Ч. Д. опять облизнул губы, сознательно глядя на меня, и я засмеялся. Он был моим безумным другом-геом, изо всех сил старающимся, чтобы я чувствовал себя лучше. И я это оценил.

Когда я вернулся в квартиру, было около часа ночи, и свет не горел. Я был слегка пьян, и подумал, что провести время с Бет сейчас не получится, тем более что она, похоже, спит.

Я откинулся на диване, мой разум ходил кругами, не в силах добиться прогресса. Бет работает на сексуального хищника, однажды он залез в ее трусы, а она не подумала, что это стоит упомянуть мне? Она, мол, сама справится с этим — и она все еще работает на него?

Моя умная, талантливая, красивая жена на самом деле — самая глупая женщина, которая когда-либо ходила по земле?

Примерно с этой мыслью я заснул. Когда проснулся воскресным утром, первое, что я ощутил, — это запах кофе, стук в моей голове и сладкий голос Бет, тихо говорящий:

— Детка, ты не спишь?

Она была в махровом халате, только что из душа, ее волосы были мокрыми и блестящими, а лицо чистым. У нее были темные круги под глазами — я думаю, у нее тоже была тяжелая ночь! — но она все еще выглядела потрясающе. У меня было искушение дотянуться до нее и обнять, пока я не вспомнил, как был на нее зол.

Поэтому вместо этого я нахмурился и просто сказал:

— Можно мне чашку кофе?

Она молча принесла его мне и села на дальний край дивана, пристально глядя на меня. Ожидание без желания узнать, что должно произойти.

Я молча потягивал кофе, чувствуя боль в голове и ощущая, как поднимается гнев. Когда закончил, посмотрел на Бет и сказал:

— Сначала завтрак, потом поговорим. Потом мы посмотрим, осталось ли здесь что-нибудь, что стоит спасти.

Она в ужасе посмотрела на меня, но ничего не ответила. Думаю, Бет знала меня достаточно хорошо, чтобы понять, когда я намеренно преувеличиваю свой гнев — или, по крайней мере, она надеялась, что сейчас я преувеличиваю его!

Потом сказала:

— Сходи, прими душ, детка, а я приготовлю нам яйца с беконом.

Не говоря ни слова, я направился в ванную. Сорок минут спустя я был чист, позавтракал и чувствовал себя намного более человеком, хотя и не позволил Бет увидеть это. Мы сели друг напротив друга за кухонным столом с кофейными чашками в руках.

— Хорошо, моя дорогая жена, — начал я с сардоническим тоном, — мы остановились на том, что у тебя в пизде побывал язык Бартона Хантингтона, я правильно помню?

Она выглядела ужаленной, но сказала только:

— Да, Джейк. Не потому, что я этого хотела, поверь! Но да. И если ты позволишь мне рассказать всю историю, я это сделаю. Я знаю, что была самой большой дурой в мире, но надеюсь, что ты хотя бы попытаешься увидеть все с моей стороны...

Она немного поколебалась, а затем продолжила:

—... Прежде чем ты решишь, что больше не хочешь меня в своей жизни.

— Хорошо, я выслушаю.

— Это было в пятницу вечером, в марте, на вечеринке только для сотрудников Ferris&

Roberts, без супругов, так что ты пошел с Ч. Д. на игру Никс. За все время что я там работала, Бартон никогда не делал ни малейшего из того, что было бы неуместно. Я знала, что он находит меня привлекательной — у мужчин это нетрудно заметить — но он не флиртовал, не трогал меня неподобающим образом, не делал ничего, что заставило бы меня его опасаться. И ради всего святого, он помолвлен с Еленой Рясоновской, почему он должен мной интересоваться?

— Но в ту ночь он постоянно околачивался рядом со мной, присоединяясь к нескольким группам, с которыми я разговаривала, и, по крайней мере дважды, когда мне нужно было обновить напиток, он предлагал свои услуги. И там были танцы, и я танцевала с ним пару раз, но также и с другими людьми — ты помнишь Ральфа из нашего подразделения и Алекса? С несколькими парнями.

— Ближе к концу вечера я начала чувствовать себя странно — не просто навеселе, я знаю, как это ощущается, но вроде как сонной и неустойчивой. Бартон что-то заметил, и тихо спросил, все ли со мной в порядке, не нужно ли мне минуту полежать? Это показалось хорошей идеей, поэтому он привел меня к лифту, отвел в свой кабинет, и помог лечь на диван.

— Я чувствовала себя подвыпившей и сонной — не совсем пьяной, но определенно навеселе. Бартон, должно быть, запер дверь, а потом сел на диван рядом со мной и тихо говорил со мной, Бог знает о чем.

— Мои глаза слипались, и он велел мне просто закрыть их и расслабиться. А потом снял мои туфли и начал нежно гладить ноги и икры, все еще тихо разговаривая. А я просто лежала там! Я была слишком не в себе, чтобы понять, что это неправильно, и все было хорошо.

— Через некоторое время он перестал говорить, а его поглаживание на моих ногах стало выше, и... ну, ты можешь догадаться. Он снял мои колготки и трусики. С закрытыми глазами я даже не поняла, что это был он, мне кажется, я думала, что это был ты. И через некоторое время он нежно прикоснулся к моей киске, раздвигая мои ноги...

— И это было хорошо, Джейк. — Она вызывающе и немного испуганно посмотрела на меня.

— Я не знала, что он добавил в мой напиток, но была одурманена и пьяна, и это было хорошо, но клянусь Богом, я не знала, что это был не ты. — А потом он начал облизывать меня, и я не помню, но думаю, что у меня был оргазм. Я полагаю, был, потому что помню, как лежала, совершенно расслабленная и полусонная.

— Затем вдруг раздался стук в дверь, и я услышала голос Дианы, спрашивающий, есть ли кто-нибудь внутри. И я открыла глаза, а надо мной стоял Бартон со стояком, торчащим из штанов! Я полагаю, он решил, что достаточно возбудил меня, чтобы суметь трахнуть.

— Я была слишком ошеломлена и не в себе, чтобы даже кричать, я просто лежала. Он крикнул «минутку» и спокойно убрал свой член, а затем каким-то образом вернул на меня мои трусики и колготки, а я просто лежала в замешательстве.

— Затем он пошел и открыл дверь, холодный как огурец, и сказал Диане, что я почувствовала себя немного нехорошо, и он позволил мне лечь в своем кабинете. Она вошла, и они помогли мне подняться, и он спросил, сможет ли она отвезти меня домой. Я не знаю, подозревала ли она что-нибудь, кроме того что его дверь была закрыта. Во всяком случае, она никогда не спрашивала меня об этом, а я никогда не говорил ей.

Я смотрел на нее, пытаюсь все это принять.

— Хорошо, — сказал я, — если предположить, что я верю всему, что ты мне сказала — Бартон отлизал тебя, но ты была слишком слаба, чтобы остановить его...

— Это правда! — воскликнула она. — Я клянусь тебе своей жизнью, каждое слово этого — правда!

— Отлично. Тогда ПОЖАЛУЙСТА объясни мне, почему я не слышал об этом ни слова, и почему ты продолжала работать на эту жопу, вместо того чтобы уйти и сообщить о нем? Господи, Бет, о чем ты думала?

Она посмотрела на меня почти отчаянно.

— Ты помнишь следующий день, субботу? Когда я встала очень поздно и долго принимала душ, а затем вошла в халате, села к тебе на колени, обняв, и спросила, любишь ли ты меня? Я кивнул, и она продолжила.

— Я чувствовала себя ужасно. Просто ужасно — как предательница, с одной стороны, и яростно, и чертовски виновато, хотя я и не думала, что это моя вина. И я хотела убить Бартона! — ее глаза вспыхнули. — Я хотела выстрелить ему прямо в голову, этому ублюдку! Но я чувствовала, что должна сделать это сама, Джейк. Я не могла позволить тебе или кому-то еще позаботиться обо мне в тот раз. Я была взрослой женщиной, деловой женщиной в мире сильных мужчин, и мне нужно было доказать, что я справлюсь сама.

— Так я думала об этом все выходные. В понедельник утром, после того как ты ушел на работу, я осталась здесь и написала ему заявление об увольнении и сказала, что собираюсь сообщить в отдел кадров о его попытке изнасилования. Давай я покажу тебе письмо.

Она подпрыгнула к компьютеру, просмотрела файлы и вывела их на экран. Письмо Бартону Хантингтону от 27 марта:

«Уважаемый Бартон!

В свете вашего позорного поведения в прошлую пятницу на вечеринке, я не могу больше работать на вас. Настоящим я подаю в отставку, с вступлением в силу немедленно.

Вы можете быть уверены, что я сообщу об инциденте в отдел кадров Ferris& Roberts и потребую полного расследования. Я не сомневаюсь, что ваше поведение приведет, по крайней мере к вашему увольнению.

С уважением, Элизабет Давенпорт»

Я прочитал письмо и посмотрел на нее.

— Так что же случилось? Почему, черт возьми, ты не передала ему письмо?

— Я это сделала, Джейк. Я пришла в его кабинет около 10:30, положила перед ним письмо, сказала: «Я ухожу» и вернулась, чтобы почистить свой стол. Через десять минут ко мне в кабинет позвонила Сюзанна и сказала, что Бартон срочно хочет меня видеть. Я сказала ей «нет», но через пять минут он пришел сам, стоя передо мной. «Пожалуйста, Бет, прости», — сказал он. — «Дай мне шанс объяснить».

— Ну, в конце концов, я согласилась на пятиминутный разговор в его кабинете, наедине, но с широко открытой дверью и с Сюзанной прямо в соседней комнате. Я ему не до конца доверяла.

— Он снова и снова извинялся, говорил, что никогда раньше такого не делал, он был настолько ошеломлен тем, как красиво я выгляжу на вечеринке. Он понял, что это ужасно неправильно, он злоупотребил моим доверием к нему и т. д. и т. п. Просто всю ту фигню, которую ожидаешь. И он спросил меня, что мне надо, чтобы остаться в Ferris.

— Так что я сказала ему, что подумаю над этим, и ушла на день. Я гуляла по Нью-Йорку, некоторое время ходила по магазинам, и долго думала.

— И все это время тебе не приходило в голову поговорить со мной?! — перебил я.

— Да, Джейк, конечно, приходило. Чтобы поговорить с тобой, или с Дианой, или с кем-нибудь. Но я хотела справиться с этим самостоятельно. Возможно, я была самой большой идиоткой в мире, но я была уверена, что справлюсь.

— На следующий день я вернулась с другим письмом — моим списком условий. Я положила его на его стол, и через две минуты он согласился с каждым из них.

Она подошла к компьютеру и вывела второе письмо.

«28 марта

Уважаемый Бартон!

Я вернусь на свою должность в вашем подразделении Ferris& Roberts и соглашусь не подавать жалобу в отдел кадров по поводу вашего нападения на меня в прошлую пятницу при следующих условиях:

1) вы предоставляете мне подробные письменные извинения, в которых точно объясните, что произошло в прошлую пятницу вечером на вечеринке и в вашем офисе;

2) вы обязуетесь никогда больше не обращаться со мной или любой другой сотрудницей в Ferris ненадлежащим образом: не приставать, не употреблять алкоголь или наркотики в попытке вступить в сексуальные отношения, не предлагать продвижение по службе в обмен на секс или угрожать наказанием за несогласие с сексом;

3) вы соглашаетесь всегда относиться ко мне с уважением как к любому сотруднику Ferris& Roberts;

4) вы соглашаетесь с тем, что мы с вами никогда больше не будем находиться вместе наедине. С уважением, Элизабет Давенпорт».

Мы вернулись к столу, и она продолжила.

— На следующий день у меня было от него подробное трехстраничное письмо, которое я держала запертым в своем столе. Оказывается, он подсыпал мне рогипнол — половину дозы, сказал он, так что я бы не потеряла сознание, просто была расслабленной и уязвимой.

Я откинулся на спинку стула.

— Бет, это все слишком чертовски много, чтобы я мог в это поверить. Парень, который накачивает тебя наркотиками, лижет твою киску и не насилует тебя благодаря ЧИСТОЙ УДАЧЕ, а ты продолжаешь там работать?

Она покраснела, но посмотрела мне прямо в глаза.

— Я знаю, что это звучит как глупейшая вещь в мире, но в то время это было для меня огромной победой. Я заставила его отступить, получила его письменное признание, он вел себя должным образом в каждый момент, и я смогла продолжать работу, которая мне нравится. Я чувствовала себя такой гордой, что эффективно справилась с этим.

Я резко рассмеялся.

— Да, хорошо, в течение примерно четырех месяцев... Не совсем постоянное решение, я бы сказал.

— Я знаю, — сказала она, опуская голову. — И мне очень жаль. Я была просто неправа, Джейк! Неправа, что не сказала тебе. Но я знаю тебя, ты бы захотел пройти туда и врезать ему по яйцам. Ты бы никогда не позволил мне справиться с этим самой!

В этом она была права, и я это знал.

— Может быть и так, Бет. Но это не тот, черт побери, секрет, который нужно скрывать от меня. Если бы какая-нибудь секретарша в Чейни Магнусон напоила меня и сделала мне минет, как бы ты отнеслась к этому? А если еще я бы держал это от тебя в секрете?

— Да... да, я знаю, детка. Я бы ненавидела это. Я бы хотела тебя убить... и ее. Я бы сошла с ума.

Несколько минут мы сидели в тишине. Я все еще был зол — очень зол — но мог посмотреть на это с ее стороны, по крайней мере, немного. То, что она сделала, было чертовски глупо, но я понял, почему она это сделала. Чувство независимости Бет было большей частью ее сущности. Я должен был уважать его, даже если оно привело ее к огромной ошибке. Наконец, я нарушил тишину.

— Ну, если у тебя есть его признательное письмо от первого раза, сейчас он должен быть в полной жопе — у него не будет ноги, чтобы стоять на ней. Могу ли я его увидеть?

Теперь она выглядела ужасно, почти больной. Тихим голосом она сказала:

— У меня его нет, Джейк. Оно было заперто в моем столе, но когда я собирала свои вещи в понедельник, его уже не было. Должно быть, он пошел искать его и украл за выходные.

— Иисус Христос, Бет, все становится все лучше и лучше! У тебя есть хотя бы копия?

Она печально покачала головой. Стояла тишина, в то время как я делал все, что в моих силах, чтобы еще больше не накричать на нее.

Ну, вот и закончился разговор. Она просто сидела за столом и плакала, а я опять вышел на долгую прогулку. Когда вернулся, мы как бы не замечали друг друга, по обоюдному согласию, и за ужином говорили только: «Передай соль» или «курица хороша» — «спасибо, не хочешь ли еще?»

После обеда я сидел и смотрел по телеку, как янки проигрывают Торонто, хотя ничего не могу рассказать об игре. Бет спряталась в спальне, и к тому времени, когда я лег спать в 23:30, она уже спала или притворялась, что спит.

На следующее утро я ушел на работу рано, без завтрака или душа, потому что все еще не был готов говорить с Бет. Но я позвонил Мэдлин, и она согласилась встретиться со мной за долгим обедом. Она уже знала половину истории, и я доверял ее мнению. Даже больше, чем доверял в тот момент самому себе — я был слишком взбешен!

Мэдлин есть Мэдлин, мы провели разговор в Ле Пти Трианон, самом дорогом французском ресторане в центре города. Бог знает, как она заказала нам столик за такой короткий срок. Она слушала, как я рассказываю ей всю историю, точнее, те части, что она еще не знала. Я смотрел на ее лицо поверх бокала с мартини, но она ничего не говорила о том, что думает, пока я не закончил.

Потом она улыбнулась — уникальная улыбка Мэдлин, сочетающая сочувствие, сарказм и хищное акулородное выражение, которое, как я надеялась, предназначалось для Бартона Хантингтона!

— Хорошо, Джейк. Так, где ты сейчас? Женщина, которую ты любишь, оказывается такой же глупой, как и все мы, или, по крайней мере, была такой в тот раз. Нет, это несправедливо — гораздо тупее, чем большинство из нас были когда-либо. Так, что ты собираешься с этим делать?

Она спросила это с вызовом, но не недоброжелательно. Это был стиль Мэд. Предельная откровенность. Я знал, что она беспокоится и о Бет, и обо мне, но она не тратила время на то, чтобы делать что-то, кроме как разобраться во всем.

— Есть два вопроса, Мэд — очевидные. Во-первых, можем ли мы с Бет пройти то, что она сделала? Это не просто ее глупость, это то, отчего я чувствую себя таким преданным. Я бы

доверил ей свою жизнь, но ее чуть не изнасиловал ее начальник, а она об этом ничего мне не сказала.

— Ясен пень, Джейк! Ты не думаешь, что ей было невероятно стыдно за это, и она растерялась? Это то, что происходит с первокурсниками на студенческих вечеринках, и что не должно случаться со взрослой женщиной на ее пути к вершине международного делового мира. Она растерялась — почувствовала себя душой! Сделав производственную ошибку, потеряв клиента или что-то в этом роде, она бы сразу же сказала тебе и искала твоей симпатии и поддержки. Но здесь — ей, вероятно, было стыдно и страшно, какова будет твоя реакция. В том числе, как она сказала, страшно, что ты ворвешься в офис Хантингтона и врежешь ему кулаком, мудаку.

— Да, — сказал я с улыбкой. — Наверное, так бы и сделал.

— Ну, как бы это ни было удовлетворительно для тебя, это было бы унижительно для нее. Ты, очевидно, можешь это видеть.

Я неохотно кивнул:

— Да, но это неправильно, что она скрывала от меня.

— Я согласна. Бет была права. Как она тебе и сказала несколько раз. Так, что ты собираешься делать?

Я вздохнул:

— Ты уже спрашивала об этом. Хорошо, во-первых, я хочу остаться с ней. Я никогда никого не любил так, как люблю Бет, и никто не может сделать меня счастливым, кроме нее. Но, черт возьми, ей нужно понять, что наши отношения должны измениться! Мы — партнеры, и если она собирается скрывать вещи от меня только потому, что они ее смущают или причиняют боль, ну, я уйду. И в следующий раз не вернусь.

Я обнаружил, что с яростью смотрю на Мэд, как будто это она виновата, а она лишь спокойно улыбнулась мне в ответ.

— Хорошо, Джейк, это начало. И я на сто процентов уверена, что Бет согласится на эти условия. И кстати, в течение нескольких недель или около того она будет отвратительно кающейся и покорной — так что, извлекай из этого максимальную пользу!

С этими словами она закатила глаза, сделав выражение вроде «ух ты, горячий секс», и я растерялся. Через минуту она сказала:

— Что за вопрос номер два?

— Это тоже очевидно: как, черт возьми, заплатить Бартону, блядь, Хантингтону по заслугам? Прекрасный хищный блеск вернулся в глаза Мэд, когда она наклонилась вперед:

— Ну, у меня есть пара идей...

Мы с большим удовольствием некоторое время говорили о ее и моих идеях. Когда пришло время расставаться, она сказала:

— Теперь слушай, ты должен это помнить. Конечно, ты разозлился на Бет, и ей действительно нужно помириться с тобой. Но когда дело доходит до действий против Хантингтона, вы должны быть полноправными партнерами. Это ЕЕ подвергли насилию, поэтому окончательное решение о том, что вы делаете, должно быть за ней.

— Да, — сказал я слегка защищаясь, — но на этот раз пусть она, черт побери, лучше включает меня во все свои мысли!

— Согласна, — быстро сказала Мэдлин. — И я знаю, что она это сделает. Джейк, она — не дура, несмотря на то, как этот эпизод заставляет ее выглядеть. И она действительно очень

любит тебя.

Сказав это, Мэдлин на мгновение выглядела задумчивой. Я вспомнил, что за те годы, что я ее знаю, у нее было очень много мимолетных романов, замечательных одноразовых половых актов, но в ее жизни не было одного мужчины более двух месяцев подряд. Она должна действительно завидовать тому, что есть у нас с Бет. Эта мысль отрезвила меня и слегка опечалила. Но она также заставила меня чувствовать себя очень счастливым.

Мы закончили наш ланч и попрощались на тротуаре, и я сделал около пяти шагов, когда повернулся назад и крикнул:

— Мэд?

Она тоже повернулась и насмешливо посмотрела на меня:

— Ну?

— Можно я провожу тебя обратно до офиса? У меня еще есть пара вопросов, — сказал я.

— Конечно, Джейк. Валяй.

Мы гуляли по городу, не обращая слишком много внимания на прохожих вокруг нас.

— Мэдлин, ты — друг мне, а не только Бет, верно?

— Конечно, Джейк.

— Ну, а если бы ты узнала, что я изменил Бет, ты бы ей сказала?

Глаза Мэдлин сверкнули:

— Черт, конечно, да! Если не сама бы оторвала тебе конец!

Я улыбнулся ей.

— Хорошо. Ну, а если бы ты узнала, что Бет изменяет мне, ты бы мне сказала?

Это заставило ее остановиться. На мгновение она выглядела слегка неловко.

— Я... не уверена, Джейк. Честно говоря. Думаю, что вероятно да, но сначала бы об этом подумала.

Мы возобновили прогулку.

— Спасибо за то, что сказала правду, Мэд. Итак: как мне узнать, что она не изменяет сейчас? Что, если она трахается на стороне с этим мудаком Хантингтоном, а все эти сложные истории — лишь для того, чтобы держать меня в темноте?

Мэдлин облегчено рассмеялась:

— Это легко, Джейк! Прежде всего: даже если я сразу не скажу тебе, что Бет изменяет — чего никогда не случится — я бы ни за что не стала врать ради нее, чтобы ее прикрыть. Рассказ о той пятничной ночи возле Чеджуны — это святая правда. И второе: если Бет ИЗМЕНЯЛА тебе, зачем ей признаваться насчет того раза, когда Хантингтон впервые накачал ее наркотиками? Ты ведь ничего об этом не знал, верно? Так почему бы ей просто об этом не умолчать? Я обдумывал это, в то время как Мэд с триумфом смотрела на меня. Конечно, она была абсолютно права. Если бы Бет изменяла мне с Хантингтоном или с кем-то еще, последнее, что бы она когда-либо сделала, — это рассказала мне историю о печально известном инциденте с облизыванием киски.

Наконец я сказал:

— Да, ты права, Мэд. И спасибо — это помогло.

Она взяла мою руку и крепко сжала ее. Некоторое время мы шли молча, а затем наш разговор перешел, естественно, к другим вещам. Проводив ее, я вернулся в свой офис, чувствуя себя лучше, чем последние пару недель.

Неделю спустя, во вторник утром, я прошел мимо секретарши Хантингтона Сюзанны, которая одарила меня улыбкой, оттопырив вверх большой палец, и вошел в его кабинет, закрыв за собой дверь.

Он с раздражением посмотрел, сначала не узнав меня.

— Кто вы такой, и как прошли мимо моего секретаря?

— В чем дело, Бартон, ты не помнишь мужа Бет? Из того, что я слышал, ты ею интересуешься.

Я мог видеть на его лице начало узнавания. Он поднял трубку, немного взволнованный, и сказал:

— Если ты немедленно не покинешь этот офис, я позвоню в Службу безопасности.

Улыбаясь, я повернулся, чтобы запереть за собой дверь, затем повернулся к Хантингтону.

— Ты, Бартон, возможно, захочешь подождать минуту, прежде чем это сделать. Вот твой выбор. Ты можешь положить трубку, немного пообщаться со мной, а потом я сразу выйду и оставлю тебя одного. Или ты можешь позвонить в службу безопасности. К тому времени, как они доберутся сюда и выломают запертую дверь, я выбью из тебя все дерьмо. Могу гарантировать, что у тебя будет сломан нос, возможно, также, несколько ребер, а твои яйца наверняка привлекут мое внимание. — Я улыбнулся ему. — А потом, если ты предъявишь обвинение в нападении, я проясню в суде точную причину моего жестокого нападения на тебя — и обеспечу, чтобы там была пресса, дабы услышать мою историю. Ты уверен, что этого хочешь?

Он сердито посмотрел на меня, но я видел, как он взвешивает варианты. После долгого молчания он положил трубку на место.

— А если я поговорю с тобой, ты оставишь меня в покое?

Я кивнул:

— Я приоткрою дверь сантиметров на пять, чтобы ты мог позвать свою секретаршу, если я нападу на тебя.

— Хорошо, — неохотно сказал он, и я открыл дверь на несколько сантиметров, как и обещал.

— Мудрый выбор, — сказал я. — Теперь у меня к тебе всего несколько вопросов. Я точно знаю, что ты сделал с Бет и когда. Я просто хочу знать, как и почему.

Я ждал, наблюдая, как он обдумывает. Наконец он ответил:

— Откуда я знаю, что на тебе нет микрофона или чего-то еще, чтобы записать все, что я скажу?

Я ожидал этого, и хотя мне не нравилось то, что я должен был делать дальше, мы с Бет согласились, что это — лучший вариант. Я пришел в его офис, одетый лишь в трикотажный пуловер, спортивные штаны Пенн и шлепанцы. Не говоря ни слова, я снял пуловер, сбросил шлепанцы и вылез из спортивных штанов. Это оставило меня перед безмолвным Бартоном Хантингтоном в одних трусах.

Я сделал медленный поворот на 360 градусов, чтобы он мог увидеть мою спину, а также мой перед, говоря:

— Те где-нибудь видишь записывающее устройство, Бартон? Может быть, ты хотел бы поближе взглянуть на мои трусы?

Он покачал головой, и я опять натянул одежду, а затем уселся в кресло напротив его стола.

— Давай поговорим.

Бартон выглядел недовольным, но смирился.

— Что ты хочешь узнать?

— Ты оба раза одурманил Бет. Что ты ей подсыпал?

Без малейшего угрызения совести он сказал:

— В первый раз это был рогипнол, как я и признался в том проклятом письме.

Он улыбнулся.

— Хорошо, что она оставила его запертым в своем столе, вместо того чтобы взять домой!

Я ничего не сказал, и он продолжил:

— Во второй раз, вечером, перед концертом Чили Пепперс, я положил в ее шампанское «Экстази», когда у нас был тост в офисе. А позже в клубе дал ей еще немного.

Глядя прямо на меня, он сказал:

— В ту ночь ей было жарко. Я бы наверняка увез ее с собой, если бы не ее чертова подруга, появившаяся в самый неподходящий момент.

Он наслаждался, тыкая меня носом, и я подумал о возможности перепрыгнуть через его стол и выбить из него дерьмо, но отказался от нее. Я знал, что заставить его говорить было важнее.

— И тебя не беспокоили последствия того, что она сообщит о тебе, создав для тебя реальную проблему в Ferris?

Он пожал плечами:

— Я работаю здесь уже долгое время, и приношу компании большие деньги. Возможно, были бы некоторые сложные моменты, но в конце концов, они бы нашли способ удержать меня — возможно, уволить Бет, может быть, просто купить ее. Не удивляйся, Джейк — ты ведь Джейк, не так ли? — снова улыбнулся он, все больше и больше уверенный в себе. — Это путь делового мира: кто приносит деньги, тот заказывает музыку. Уверяю тебя, это — не первый раз, когда я развлекаюсь с одной из женщин в фирме.

Я сделал вид, что выгляжу расстроенным и побитым:

— Ладно, ладно — но, ради всего святого, почему Бет? Твоя невеста — одна из самых великолепных женщин на планете! Зачем тебе волочиться за моей женой?

Его улыбка стала шире:

— Разнообразие, мой дорогой мальчик! Через некоторое время можно устать даже от самой красивой женщины, понимаешь? Плюс... — он наклонился ко мне, словно собираясь поделиться какой-то конфиденциальной информацией, — Елена, как бы, скучная в постели. Нет воображения. Она думает, что поскольку она такая сексуальная, то ей ничего не нужно делать, просто подставить себя, чтобы я занялся с ней любовью. Это заставляет чувствовать себя старым, хотя тебе, может быть, в это трудно поверить.

Самодовольный ублюдок! Моя ненависть к нему только усилилась, но я сосредоточился:

— Ты все еще не сказал, почему преследовал Бет? В Нью-Йорке, безусловно, много других привлекательных женщин, даже здесь, в Ferris.

Он откинулся на спинку стула, выходя так, будто собирался вытащить большую кубинскую сигару и выдуть кольцо дыма.

— Я мог бы сказать, что Бет станет фейерверком, как только я ее раскочегарю. Вот почему в первый раз я использовал лишь небольшую дозу рогипнола — чтобы убедиться, что она не слишком улетит от этого. Во второй раз лучшим выбором мне показался экстази. Я слышал, что она говорила, Джейк. Однажды они разговаривали с Дианой о сексе в ее офисе, когда я проходил мимо полуоткрытой двери, и я остановился, чтобы послушать. И то, как она говорила об этом... Скажем так, я почувствовал ее энтузиазм. Она, конечно же, не произнесла

ничего такого живописного, не раскрыла никаких семейных секретов, Джейк, не о чем беспокоиться! — Он злобно рассмеялся. — Но по тону ее голоса я мог сказать, что она будет фантастической давалкой. Ради этого стоит пойти на хлопоты. Полагаю, мне просто не повезло, что это не сработало.

Он откинулся на спинку стула, покончив со своим «признанием», с самодовольным выражением на лице. Я еще раз удержался от того, чтобы избить его.

— Полагаю, я ответил на твои вопросы, молодой человек, — теперь попрошу покинуть мой кабинет и позволить мне вернуться к работе.

Притворяясь побежденным, я направился к двери, сказав напоследок:

— Ты — сукин сын, Хантингтон. И однажды я что-нибудь с этим сделаю, обещаю.

— Да-да, мой мальчик, я уверен, что ты сделаешь, — легкомысленно ответил он, опять возвращаясь к работе за своим столом.

Я вышел во внешний офис и увидел улыбающуюся Сюзанну, сидящую за своим столом. С ней были Бет и высокий лысый мужчина, которым оказался Арнольд Раппапорт, начальник отдела кадров.

Бет подбежала ко мне и крепко обняла:

— Это было прекрасно, Джейк, мы слышали каждое слово, ясно как колокольчик! И все это записано на пленку. Я посмотрел на Сюзанну и сказал:

— Спасибо, Сюзанна.

— Поверь мне, для меня это было удовольствие, Джейк! Я знала двух женщин, с которыми он это проделал до Бет, и просто ненавидела то, что ему это сошло с рук. Все, что я сделала, это установила микрофон под его столом, и была бы рада сделать даже больше.

— Тебе достаточно, Арнольд? — спросила Бет Раппапорта.

— О, без сомнений, — ответил он, выглядя немного мрачно. — С твоим письмом и этой записью, плюс то, что Диана МакКензи и Сюзанна уже рассказали мне, нет никаких шансов, что Хантингтону это сойдет с рук.

Он взял трубку телефона на столе Сюзанны и набрал номер, затем подождал.

— Да, Охрана? Это Арнольд Раппапорт. Не могли бы вы отправить сюда двух мужчин, как мы обсуждали? Да, и позвоните в участок 88. Спасибо.

Повесив трубку, он направился напрямиком в офис Хантингтона, оставив дверь открытой, чтобы мы могли насладиться шоу.

— Баргон, мне придется попросить тебя отойти от своего стола. Я забираю твой компьютер. Здесь сейчас будут два человека из службы безопасности, чтобы отвести тебя вниз, а затем пара полицейских из 88-го участка арестует тебя за сексуальные домогательства и попытку изнасилования.

Я мог видеть, как Хантингтон на мгновение выглядел совершенно сбитым с толку. Затем он занялся своим компьютером, очевидно, пытаясь что-то удалить. Я ворвался и помог Раппапорту отодвинуть кресло от стола, Хантингтон кричал и все время сражался с нами.

— Ты не можешь этого сделать! — рассерженно произнес он. — Какие у тебя доказательства?

— У нас есть хорошая магнитофонная запись всего, что ты только что сказал, мудак, — сказал я ему с улыбкой. — Уверен, Елене очень понравится услышать, что хорошего ты сказал о ней!

Он начал было отвечать, потом подумал и закрыл рот. Выглядев мрачным, он позволил себя увести двум крепким охранникам из Службы безопасности.

Когда он ушел, Бет спросила:

— Арнольд, есть ли проблемы с использованием этой ленты?

— Что касается уголовных обвинений, то это сложно, — сказал Арнольд. — Он был записан на пленку без его ведома, но, с другой стороны, он находился в помещении Ferris& Roberts. Суды не определили окончательно, имел ли он право на частную жизнь на рабочем месте, особенно в отношении преступных действий. С другой стороны, для целей дисциплинарного взыскания или увольнения, нет никаких сомнений в том, что Ferris разрешается принимать во внимание запись в виде доказательства. Я полагаю, что Исполнительный комитет Правления уволит его сегодня же, и есть отличный шанс, что он будет нести личную ответственность за всякий ущерб, который Ferris может быть вынуждена выплатить тебе, если ты будешь истцом по гражданскому иску.

Он медленно подмигнул Бет, позволив легкой улыбке на мгновение пересечь его лицо. Продержаться очень долго, да еще и Бет продолжала притягивать мою задницу к себе, для более глубокого проникновения, стонать и выворачивать бедра, пока я не излился в нее как пожарный шланг, крича от удовольствия...

Я скатился с нее, еще тяжело дыша, крепко обнимая и наслаждаясь ее легкими поцелуями на моих щеках, ушах и шее.

— Не подождать ли нам до завтра, чтобы дослушать правило 5? — хихикнула она, и я кивнул.

Когда я вышел из душа, Бет уже была одета на ужин, выглядела загорелой и красивой в светло-голубом платье без рукавов, и разговаривала по телефону.

Я вопросительно посмотрел на нее, и она произнесла: «Диана», а затем вернулся к разговору. Я не много понял из разговора — она в основном говорила «ага» и «правда?» и «Боже мой, это невероятно!»

Закончив с Дианой, она побежала ко мне и крепко обняла.

— Поспешి одеться, Джейк, и за ужином я все тебе расскажу. Это просто СЛИШКОМ хорошо! Мы отлично поужинали в ресторане с морепродуктами, на балконе с видом на Карибское море, и Бет едва могла дождаться, чтобы рассказать мне все, что сказала Диана.

— Сначала я скажу тебе плохие новости, Джейк, но они все равно хорошие. Я так рада! Я с нетерпением ожидал услышать, предполагая, что это будет о падении Бартона Хантингтона. Его уже уволили — это случилось на следующий день, после того как мы записали его на пленку в его офисе...

Затем пришел иск. По моему настоянию Бет на этот раз посоветовалась со своим отцом и получила имя самого лучшего адвоката по вопросам сексуальных домогательств в Нью-Йорке. (Она сказала отцу, что это — для подруги.) Адвокат, парень по имени Ричард Данравен, сразу доказал, что знает, что делает.

Он подал иск против Ferris& Roberts, а затем сразу же договорился с их адвокатами об урегулировании. В результате Бет получила восемь миллионов долларов с двумя условиями, предложенными ей и Ричардом. Первое заключалось в том, что она оставит себе только 50 000 долларов, а остальные пойдут на благотворительность — Бет собиралась пожертвовать женскому приюту в Нью-Йорке.

Во-вторых, Ferris подал в суд на Хантингтона, который стоил более двадцати миллионов долларов, и постаралась содрать с него всю сумму, выплаченную Бет. Она согласилась, что, если по какой-либо причине оплата Хантингтона составит менее восьми миллионов долларов, она примет ту сумму, что решит суд. Но не было никаких оснований ожидать, что

он заплатит меньше восьми миллионов долларов.

До сих пор неясно, что будет с уголовными обвинениями. Дорогие адвокаты Хантингтона боролись изо всех сил, чтобы вывести запись и его письмо с извинениями Бет из состава улик. Если бы их приняли, то он бы полностью облажался — его посадят в тюрьму на несколько лет.

— Хорошо, дорогая, скажи, что сказала Диана?

— Ну, во-первых, ее повысили до должности Бартона: она будет руководить подразделением на Дальнем Востоке и хочет, чтобы я вернулась в Ferris в качестве ее помощницы!

— Это потрясающе, — сказал я. — А разве тебя уже не приняли на новую работу в Прентис Уорфилд?

— Нет, пару недель назад Диана попросила меня подождать, прежде чем дать им окончательный ответ. Она надеялась, что сможет получить эту работу, и теперь ее одобрили. У нас был долгий поцелуй, а затем шампанское — тост за Диану.

Потом Бет засмеялась и сказала:

— Но это еще не все, детка. Ты наверняка не против услышать, что для бедного Бартона положение ухудшилось. Похоже, что Сюзанна и Диана пошли к Елене Рясоновской. Она — в городе на большом показе мод, и Сюзанна в прошлом связывалась с ней несколько раз, когда Бартон просил ее об этом. Как бы то ни было, Сюзанна договорилась о встрече, чтобы увидеться с ней, предположительно, на вечеринке с сюрпризом, которую фирма запланировала для Бартона. Они с Дианой немного поболтали с Еленой и оставили ей интересную аудиозапись.

Она посмотрела на меня сверкающими от удовольствия глазами, и я жестом указал ей продолжать.

— Ну, по-видимому, вчера вечером был большой прием и пресс-конференция после первого дня показа мод — его освещали все местные газеты и, конечно, журналы мод. А наша Елена устроила небольшой скандал. Она перевернула тарелку ригатони в соусе из красного моллюска на голову Бартона, крича на него: «Так я — скучная в постели? Так ты пользуешься наркотиками, чтобы насиловать других? Ты — такой жалкий!» А потом она ушла от него, но повернулась назад, сняла огромное помолвочное кольцо, которое он ей купил, бросила ему на колени и сказала: «Вот твое, куска дерьма, кольцо, ты, ебанный хуесос!»

Бет почти задыхалась от смеха.

— Пресса была в первом ряду всего этого. Ты знаешь, что Елена говорит с таким акцентом, Диана сказала, что это звучало как «ты, опаны куйсос!» И две газеты опубликовали сегодня его фотографию, где он выглядит ошеломленным и одетым в обед, который она сбросила на него!

После затянувшегося десерта, мы с Бет пошли в одно из казино, где за пару часов слегка перевыпили и проиграли в азартные игры приблизительно сто пятьдесят долларов из денег Бартона Хантингтона, после чего вернулись в комнату и сладко занялись любовью, а затем погрузились в сон.

На следующее утро я проснулся от стука в дверь и увидел свою улыбающуюся жену в халате, впускающую в номер официанта с завтраком, который она заказала. Когда мы закончили есть, она быстро натянула нижнее белье и сарафан и сказала:

— Побудь один в течение нескольких часов, дорогой. Можешь взять книгу и немного позагорать у бассейна? Увидимся в ресторане в саду на обед в 12: 30.

Бет не сказала, чем она занимается, просто ушла с загадочной улыбкой. Я провел утро за чтением, отдыхом на солнце и проплыванием нескольких кругов в бассейне отеля, когда мне становилось слишком жарко.

В 12: 30 я сразу увидел, что Бет побаловала себя: ее волосы были вымыты и подстрижены, а на ногтях был сделан маникюр. Мы вместе прекрасно пообедали, а потом Бет взяла меня за руку и повела наверх. Она опять усадила на кровать и встала передо мной, готовая читать.

— Еще два правила, Джейк. Ты готов?

— Правило 5: каждый день нашей поездки я буду преподносить мужу сексуальный сюрприз. Иди, сними свою одежду в ванной, детка, и поторопись назад.

Я быстро сделал, как она сказала, задаваясь вопросом, что будет следующим? Когда вернулся в спальню, то тут же остановился.

На кровати на животе лежала обнаженная Бет, ее бедра подпирала пара подушек. Ее ноги были слегка раздвинуты, поэтому она была в идеальном положении, чтобы я смог войти в нее в стиле собачки, который, как она знала, мне нравился. Она с улыбкой смотрела на меня, и что-то было на левой ее ягодице.

— Что за?... — Я подошел и внимательно посмотрел. В середине ее ягодицы было татуировано красивое красное сердце, размером примерно с четвертак, в месте, где его закрывали даже самые крошечные плавки-бикини. Под сердцем красивым шрифтом шли слова: «все это принадлежит Джейку».

Я с удивлением посмотрела на Бет, а она рассмеялась над моим выражением лица.

— Нет, детка, это не постоянная татуировка — пока только хна. Настоящая могла бы вывести меня из строя на пару дней! Но если тебе нравится, то когда вернемся в Нью Йорк, я смогу сделать и настоящую.

Я наклонился и глубоко поцеловал ее, проведя руками по ее гладкой спине и красивой попе, в то время как она гладила мой член, пока тот полностью не выпрямился. Затем я оседлал ее сзади, наслаждаясь видом маленького сердца. Я двигал своим членом вверх и вниз по губам ее киски, пока мы оба достаточно не увлажнились, а затем вошел в нее, издав стон удовольствия от ее плотной киски обжимающей мой стержень.

Мне никогда не нравилось заниматься любовью с Бет так сильно, как в тот день. Физическая радость от этой позиции, возбуждение от ее нового сюрприза и ее открытость для меня, свет и звук Карибского моря, проникающие через окно, чувство, времени полно — это было волшебно. Я потратил как можно больше времени, наслаждаясь восхитительными ощущениями ее тела, целуя и поглаживая ее, нежно толкаясь, пытаюсь сделать так, чтобы это длилось вечно...

Когда все закончилось, и мы вместе отдыхали, дремали в объятиях друг друга под простыней, я сказал:

— Мне кажется, или было еще одно правило?

Она посмотрела на меня и сказала:

— Да, детка. Если ты не возражаешь, я не буду вставать — мне слишком нравится быть в твоих объятиях. Но вот оно.

— Правило 6: Когда «Каникулы прощения» закончатся, я перестану извиняться за то, что сделала, и мы продолжим нашу жизнь. Но любовь и привязанность будут продолжаться до тех пор, пока мы живы. И «сексуальные сюрпризы» тоже... время от времени.

Она с любовью смотрела на меня.

— Все ли тебе нравится, Джейк?

Я сказал, что да.